

ГЛАВА 1

Профессор Ежи Добранецкий осторожно положил телефонную трубку и, не поднимая глаз на жену, с наигранным равнодушием сказал:

— В субботу состоится общее собрание совета врачей.

Пани Нина спросила, не сводя с него глаз:

— И чего же еще хотел от тебя Бернацкий? Ведь это он звонил?

— Да так, пустяки. Несколько организационных моментов, — отмахнулся Добранецкий.

Нина достаточно хорошо знала своего мужа, чтобы догадаться: он пытается что-то скрыть от нее под маской равнодушия. Она чувствовала, что мужу нанесен какой-то очередной тяжелый удар, его опять постигла неудача, какое-то обидное невезение, и он не желает ей в этом признаваться.

Ах, какой же он слабый человек! Человек, который не умеет бороться; человек, который позицию за позицией уступает другим; человек, которого все больше и больше

отодвигают в тень, в серую массу посредственных врачей. Она откровенно ненавидела его в такие минуты.

— Так чего же хотел от тебя Бернацкий? — уже настойчивее спросила она.

Профессор поднялся и, шагая по комнате, стал объяснять, словно уговаривая самого себя:

— Конечно... они правы... Вильчур это заслужил... А мне пора на отдых... Столько лет я председательствовал в совете... К тому же не надо забывать, что Вильчуру нужна хоть какая-то моральная компенсация за пережитые им несчастья.

Пани Нина ответила на это коротким, резким смешком. Ее большие зеленые глаза сверкнули горделивой иронией. В изгибе губ, этих прекрасных губ, которые мерещились профессору даже на работе, промелькнуло отвращение.

— Компенсация? Но он давно уже получил ее с лихвой! Ты и впрямь слепой! Вильчур отнимает у тебя одно дело за другим. Он лишил тебя руководства больницей, отобрал студентов, пациентов, заработка... Компенсация!

Добранецкий помрачнел и тоном, не терпящим возражений, сказал:

— Все это принадлежит ему по праву. Вильчур — великий ученый, гениальный хирург.

— Тогда скажи мне, кто ты? Когда я выходила за тебя замуж, я верила, что ты считаешь себя лучшим хирургом и ученым.

Добранецкий сменил тон. Опираясь на край стола, он наклонился к жене и ласково стал ее увещавать:

— Любимая, ты должна понимать, что существует определенная градация, иерархия, которая выстраивается в соответствии со способностями и достоинствами людей... Как ты можешь упрекать меня за мою самокритичность, за мою уверенность в том, что я уступаю Вильчуру по многим пунктам? А впрочем...

— А впрочем, — поймала его на слове пани Нина, — нам не о чем разговаривать. Ты хорошо знаешь мое мнение по

этому поводу. Если тебе не хватает амбиций и воли к победе, то у меня их с лихвой. Я не соглашусь на роль жены какого-то... ничтожества. И предупреждаю тебя: если дойдет до того, что в конце концов ты будешь вынужден практиковать в каком-нибудь Пикуткове, я с тобой не поеду.

— Нина, не преувеличивай.

— О, этим все и закончится! Ты думаешь, я ничего не знаю? Уже сейчас Вильчур продвигает доцента Бернацкого. А тебя столкнут на самое дно! Мне не на что купить шубу у меховщика! Тебе это, конечно, безразлично, но я такого не потерплю. Я рождена не для того, чтобы быть женой бездарности. И предупреждаю тебя...

Она не закончила фразу, но в ее голосе прозвучала явная угроза.

Профессор Добранецкий тихо произнес:

— Ты меня не любишь, Нина, и никогда не любила...

— Ошибаешься, — покачала она головой. — Но любить можно только настоящего мужчину. Настоящего — это значит мужественного, сильного, такого, который готов жертвовать для своей женщины всем.

— Нина, — произнес профессор с упреком, — неужели я не делаю все, что в моих силах?

— Ты ничего не делаешь. Мы беднеем, с нами все меньше считаются, нас отодвигают в тень. А я не создана для жизни в тени. Помни, о чем я тебя предупредила!

Она поднялась и пошла к двери. Когда пани Нина дотронулась до дверной ручки, профессор крикнул:

— Нина!

Она оглянулась. В ее глазах, которые только что горели гневом, он увидел обжигающий холод.

— Что еще ты желаешь мне сказать? — спросила она.

— Чего ты от меня хочешь? Как мне поступить?

— Как? — Нина сделала три шага по направлению к нему и, отчетливо произнося слова, ответила: — Уничтожь

Вильчура! Убери его с дороги! Стань таким же беспощадным, как и он, и тогда ты сумеешь защитить свое место под солнцем!

Она секунду помолчала и добавила:

— И меня... Если это для тебя что-нибудь значит.

Оставшись в одиночестве, профессор тяжело опустился в кресло и задумался. Нина никогда не бросала слов на ветер. И он отдавал себе отчет в том, что любит ее так сильно, что без нее его жизнь потеряет смысл. Когда шесть лет назад профессор сделал ей предложение, он не считал, что просит об одолжении. Он был значительно старше ее, но находился на гребне успеха, в зените славы. Да и здоровье у него было отменным.

Последние три года стали для профессора роковыми. Неудачи на работе и денежные затруднения расшатали его нервную систему. Он скрывал от Нины, что у него все чаще повторялись боли в печени и желудке, но не мог скрыть их последствия. Профессор все больше полнел, плохо спал, на его обрюзгшем лице, под глазами, появились зеленоватые мешки.

Нина даже не подозревала о том, как тяжело переживал он свои поражения. Она упрекала его в отсутствии амбиций, его, человека, который всю жизнь, собственно, только амбициями и руководствовался, которого амбиции подняли на щите!

Неудачи начались с того рокового дня, когда появился... когда он сам нашел пропавшего профессора Рафала Вильчура. Как хорошо он помнил тот день! Мрачный зал суда, и на скамье подсудимых — бородатый мужчина в рваной одежде, знахарь, сельский знахарь из далеких окраин, обвиняемый в запрещенной практике, в хирургических операциях, осуществляемых с помощью примитивных слесарных инструментов, операциях, которые спасли жизнь многим бедным крестьянам из восточных сел.

Знахарь...

Профессор Ежи Добранецкий узнал в нем своего бывшего шефа и наставника, профессора Рафала Вильчура, после

исчезновения которого на протяжении многих лет он постепенно, но неуклонно занимал его место в науке, в медицинской практике и в жизни.

Имел ли он право утаить свое открытие, оставив тем самым Вильчура в прозябании, в нищете? Сегодня профессору Добранецкому не хотелось об этом думать. Он знал одно: тот памятный день стал для него проклятием.

Рафал Вильчур быстро излечился от многолетней амнезии. Он восстановил свою память так же легко, как когда-то потерял, а вместе с памятью к нему вернулось все то, что составляло смысл его жизни до трагедии. Вильчур вернулся на свою кафедру (при этом Добранецкий уступил ему свое место); возглавил больницу, а также университетскую хирургическую клинику. Громкое возвращение прибавило ему славы. А также почета и денег.

Вот и сегодня от Добранецкого требуют добровольно оставить пост председателя совета и предложить вместо себя кандидатуру Вильчура, которая будет утверждена единодушно. Да, они все считают такое решение вполне логичным. Они, то есть коллеги; они, то есть пациенты; они, то есть студенты медицинского факультета. У них не вызывает сомнений то, что Вильчур лучший. И, между прочим, он сам, Ежи Добранецкий, только что сказал жене, что и он тоже так считает.

Но это было неправдой.

Все в нем протестовало против очевидного, против неизбежной утраты завоеванного им положения. Чем больше угнетало Добранецкого неуважение, тем сильнее разгорался в его душе гнев, тем быстрее росли отчаяние и ненависть. И поэтому он боялся разговаривать на эту тему с Ниной. Боялся, что искра ее страстной, неутомимой природы упадет на накопленные в нем груды протеста.

А их накапливалось все больше и больше. Сегодня Нина впервые сказала ему — сказала четко, безжалостно, — что ей не на что купить шубу. Правда, у нее их много и без оче-

редной она могла бы обойтись, но все же ее слова были для него словно пощечина.

Профессор гордился тем, что никогда ни в чем не отказывал жене, что засыпал ее дорогими подарками, что для нее купил этот особняк на Фраскатти, для нее содержал многочисленных слуг, шикарные автомобили, устраивал шумные приемы. Может быть, не только для нее, возможно, и для себя тоже, но истинное блаженство он испытывал лишь тогда, когда видел в ее глазах знакомый горделивый блеск, осознание собственного превосходства, которое обеспечивали ей положение и слава мужа.

Нина. Потерять ее... Одна мысль об этом была для Добранецкого невыносимой. Но он знал, что, если не произойдет какого-нибудь чуда, катастрофы не избежать. Вот уже три года его прибыль непрерывно таяла, а он все не мог решиться сократить расходы на домашнее хозяйство. Если отсутствие денег вынуждало его к ограничениям, он ограничивал собственные траты, стараясь скрыть это от жены. Профессор работал день и ночь, делал все больше операций, не гнушаясь даже мелкими гонорарами, поступавшими от бедных пациентов. И все же долги росли. Для того чтобы сохранить особняк, пришлось взять приличную ссуду, а проценты выплачивать было нечем.

«Но это не важно, — грустно подумал профессор, — с этим я бы справился. Можно было бы даже перебраться в какое-нибудь более скромное жилище, если бы только Нина воспринимала ситуацию не столь драматично».

Сам Добранецкий мучительно переживал потерю высокого положения, которое, как ему казалось после исчезновения Вильчура, он получил навсегда.

Не далее как вчера Добранецкий испытал новое унижение: ни один студент не пришел на его лекцию. Он выбежал из актового зала, точно его гнали насмешливые взгляды пустых стен. В его голове родилась мысль о самоубийстве. Все закончилось приступом боли в желудке, а потом у профессора

до вечера шумело в ушах от чрезмерного количества принятой белладонны. К счастью, в тот день у него было несколько простых операций, которые не требовали особого напряжения и прошли нормально.

«Уничтожь его!»

Так сказала Нина. Добранецкий грустно усмехнулся. Как же он мог уничтожить Вильчура?! Разве что хватать в университетских коридорах студентов и тащить их на свои лекции. Или отыгрываться на тех молодых врачах, которые предпочитали ассистировать Вильчуру во время операций. Или переманивать его богатых пациентов... Добранецкий знал, что не выдержит конкуренции, хотя берет за операции гораздо меньше и — какой стыд! — позволяет себе торговаться.

Он посмотрел на часы. Время приближалось к пяти. Сегодня Нина принимает гостей, скоро они начнут собираться. Их приходило все меньше, потому что ее салон становился менее привлекательным для знакомых. Много гостей бывало лишь тогда, когда накануне разносилась весть о том, что придет профессор Вильчур.

«Уничтожь его!» — сказала Нина.

Уничтожить Вильчура значило уничтожить его известность, уничтожить веру пациентов в безошибочность его диагнозов, в точность движений его руки.

Добранецкий встал и начал ходить по комнате. Был и другой способ — муравьиная, точнее кротовая, подрывная работа, кропотливое подкапывание с использованием слабых сторон, которые появились у Вильчура после перенесенной амнезии. Но Добранецкий брезговал такими средствами борьбы. Он знал, что благодаря своей знахарской практике Вильчур сохранил приверженность различным травам и мазям сомнительного происхождения. Знал Добранецкий, однако, и то, что эти примитивные средства не могут нанести вред больным, и не оправдывал Нину, которая не упускала случая, чтобы посмеяться над знахарством; она использовала свою привлекательность,

для того чтобы заразить иронией молодых врачей, бывавших у них в доме.

Однако проводимая таким образом агитация давала ничтожные результаты. По клиникам начали ходить анекдоты, в которых Добранецкий узнавал злое остроумие своей жены. Молодые врачи со свойственным их возрасту отрицанием всего, что не отвечает моде, охотно подхватывали этот иронический тон, чтобы, снижая авторитет известного специалиста, повысить собственный. Иногда они даже категорически не советовали своим пациентам обращаться за консультацией к Вильчуру, но это случалось очень редко.

Две недели назад в варшавских газетах появились фельетоны, в которых были упомянуты хорошо знакомые Добранецкому анекдоты. Фамилия Вильчура, правда, не называлась, но читатели легко могли догадаться, о ком идет речь. Автором этих публикаций Добранецкий не без основания считал Нину. В последнее время он часто встречал у себя в доме журналистов, которые раньше никогда у них не бывали. Неожиданный интерес жены к представителям прессы не мог ускользнуть от внимания Добранецкого.

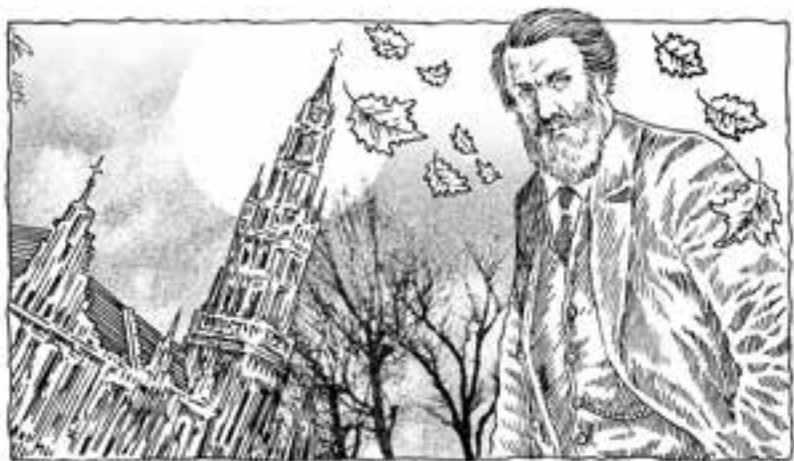
Эта акция оставляла не только неприятный осадок в его душе. Была еще и грустная уверенность в бесполезности этих усилий.

«Уничтожь Вильчура, — сказала Нина. — Убери его с дороги!»

Добранецкий, кусая губы, остановился у окна. Меж голых ветвей осенних деревьев проникал белый свет фонарей. Издалека доносился монотонный шум города. По мокрому асфальту закрипели шины автомобиля.

Вот и первые гости. Нужно переодеться.

ГЛАВА 2

Профессор Вильчур на мгновение умолк. Он внимательно всматривался в переполненный и притихший зал. Он чувствовал: каждое его слово проникает в души присутствующих.

— Призвание врача, — звенели в тишине его слова, — это проявление искренней и бескорыстной любви, любви к ближнему, которую Бог посеял в наших черствых сердцах. Призвание врача — это вера в содружество, искреннее свидетельство человеческой общности. И, выходя в мир, дабы исполнить свое предназначение, прежде всего помните об одном: вы должны любить!

Он снова замер, умолк, потом улыбнулся, слегка кивнул головой и твердым, уверенным шагом вышел из зала.

Сколько раз, закончив лекцию, шагал профессор Вильчур по этому коридору, сопровождаемый бурными аплодисментами, несущимися ему вдогонку. Но сегодня была не обычная лекция и не об обычном говорил на ней профессор Вильчур своим слушателям. И настроение у него было не обычное.

В последнее время до него доходили все более странные и оскорбительные слухи. Сначала они так огорчили его, что он просто растерялся. Это была какая-то случайность, абсурд. И не только потому, что это касалось лично его; если бы он услышал подобные измышления о профессоре Добранецком, о враче Ранцевиче, о Бернацком или даже о молодом Кольском, все равно это так же сильно задело бы его.

До нынешнего дня Вильчур не хотел и не мог верить в то, что эту клеветническую кампанию против него кто-то организовал. У него не было врагов. Никогда никому он не желал зла, никого зря не обидел. Всю свою жизнь Вильчур руководствовался правилами, о которых только что упомянул, заканчивая сегодняшнюю лекцию.

— Это просто невозможно, — говорил он самому себе, идя по коридору.

Дойдя до двери деканата, Вильчур взглянул на часы. Одиннадцать. В приемной, к своему удивлению, он застал нескольких незнакомцев. Увидев его, они поднялись, а секретарь объяснил:

— Это представители прессы. Они просят вас дать им интервью.

Вильчур улыбнулся гостям.

— Неужели всего, что уже было, недостаточно? Мне кажется, за три прошедших года вы с избытком удовлетворили интерес своих читателей. Не утомляйте их моей личностью и моими проблемами.

— Нет, господин профессор, — ответил один из журналистов, — сейчас речь идет об одном из ваших пациентов.

— О пациенте? И кто же это?

— Леон Донат.

Вильчур развел руками.

— Что я могу, господа, вам рассказать?.. Ничего интересного. По заключению моих коллег, операция будет легкой и никакими осложнениями не грозит.

— Но, господин профессор, речь идет об операции на горле — на горле, которое приносит несколько миллионов złotych прибыли в год. Да и популярность Доната... Вы, господин профессор, конечно же, понимаете, что эта операция является событием, которым интересуется сегодня не только Варшава, но и вся Европа, а может, и весь мир. Даже то немногое, что вы нам сообщите, будет расцениваться как сенсация.

— Ладно, — согласился Вильчур. — Но мне надо ехать в клинику. Мы с вами сможем поговорить разве что по дороге.

Внизу профессора уже ждал черный лимузин. Все расселись по местам, и, пока авто двигалось по запруженным улицам, журналисты старательно записывали в свои блокноты все, что говорил им Вильчур.

Лишь теперь, отбросив заботы, профессор вдруг осознал, что к его клинике действительно будет привлечено внимание миллионов поклонников великого певца. Еще вчера доктор Люция Канская говорила ему о том, что польская пресса с большим удовлетворением сообщила о решении Доната, не доверяющего итальянским, французским и немецким хирургам, оперировать свое горло именно у него, профессора Вильчура, для чего певец отважился на длительный переезд в Варшаву.

Хотя, судя по анализам и снимкам, операция казалась несложной, Вильчур понимал опасения певца, для которого голос был смыслом жизни: любая оплошность хирурга могла бы лишить его и славы, и колоссальных доходов.

Приехав в клинику, Вильчур отметил, что и здесь царит оживление. Во-первых, у ворот собралась огромная толпа — все ждали приезда певца. В холле и в коридорах происходило непрерывное движение. Вильчур расстался с журналистами и по пути к своему кабинету заглянул к дежурному интерну. Медсестру, которую он там застал, он спросил:

— Кто сегодня дежурит?

— Доктор Канская, господин профессор.

Вильчур кивнул головой:

— Это хорошо.

В своем кабинете он застал профессора Добранецкого, спорившего о чем-то с молодым Кольским. Оба были возбуждены дискуссией, но умолкли, когда Вильчур вошел. Врачи поздоровались, после чего Кольский кратко и по существу доложил Вильчурю о здоровье нескольких пациентов, произнеся напоследок:

— Инженера Лигниса вы, господин профессор, сегодня собирались осмотреть сами. Пани Лясковская и пан Ржымский также просили, чтобы вы к ним зашли. Все они находятся на третьем этаже. У несчастного, которого привезли вечером с раздробленным тазом, утром случилось внутреннее кровоизлияние, сейчас он в бреду. Мне кажется, что его уже не спасти.

— Благодарю вас, коллега, — ответил Вильчур и, глянув на часы, добавил: — Я должен в первую очередь осмотреть горло Доната. Готова ли малая палата?

— Да, господин профессор.

— Большая палата будет занята вами, коллега, часа четыре, не так ли? — обратился Вильчур к Добранецкому. — Я был бы рад, если бы вам удалось спасти его.

Добранецкий пожал плечами.

— Случай совершенно безнадежный. Один шанс из ста. Пока Вильчур надевал халат, крики под окнами становились все громче. Врачи улыбнулись. Все было ясно без слов. Впрочем, Кольский заметил:

— Люди, между прочим, ставят искусство выше здоровья. Никого из нас не балуют такими приветствиями.

— Вы забыли, коллега, о профессоре Вильчуре и о его популярности, — парировал Добранецкий.

— Популярность я завоевал не потому, что работаю врачом, а потому, что был пациентом, — ответил Вильчур и вышел из кабинета.

За ним вышел и Кольский.

Добранецкий тяжело опустился в кресло. На его лице появилось сосредоточенное выражение. Через минуту он нажал кнопку звонка. Вошла медсестра.

— В какую палату поместили Доната? — спросил он.

— В четырнадцатую, господин профессор.

— Моя операция в час? Прошу не забыть сообщить об этом доктору Бернацкому. Благодарю вас, пани.

Когда медсестра вышла, он поднялся и посмотрел на часы.

Подождав минут тридцать, Добранецкий вышел.

На первый этаж вела широкая мраморная лестница. Четырнадцатая палата находилась возле нее. Добранецкий постучал и вошел. Донат переодевался с помощью медсестры. Увидев Добранецкого, он весело воскликнул:

— О, професор! Рад видеть вас. Вы со своими коллегами хотите меня сегодня зарезать?

— Добрый день, маэстро. Чудесно выглядите. — Добранецкий задержал руку певца в своей. — Но почему вы употребляете множественное число? Ведь вы захотели, чтобы вас оперировал господин Вильчур. Не доверяете, дорогой маэстро, своему старому врачу.

— Я испытываю к вам полнейшее доверие, господин профессор, — заставил себя улыбнуться Донат.

— Забудем об этом, — непринужденным тоном произнес Добранецкий. — Расскажите-ка о своих делах; конечно, не о сценических успехах, об этом без усталости твердит пресса, а о личном. Действительно ли вы так неудержимы в своих любовных победах?

Донат искренне рассмеялся.

— Ах, этого никогда не бывает слишком много! — У него заблестели глаза.

— Вы должны избегать сердечной боли — и своей, и чужой, — пошутил Добранецкий.

И он говорил это небезосновательно. Несмотря на цветущий вид, атлетическое телосложение и живой темперамент,

у Доната с детских лет возникали проблемы с сердцем. Его мать, пользуясь близкими отношениями с Добранецким, не раз обращалась к нему за советом о здоровье сына.

Донат оживленно рассказывал о своем новом приключении, когда в дверь постучали. Это была доктор Канская. По правилам она должна была осмотреть пациента перед операцией. Но, застав в палате профессора Добранецкого, остановилась на пороге.

— Вы меня ищете, панна? — спросил Добранецкий. — Хорошо, что я вас увидел. Будьте добры, коллега, подготовьте моего старичка. Он в палате шестьдесят два. Ему скоро на стол. Сделайте пару тонизирующих уколов и все остальное, что сочтете нужным. И, если можно, побыстрее. Спасибо!

Доктор Люция хотела о чем-то спросить, но Добранецкий уже повернулся к Донату со словами:

— И что же было дальше, маэстро?

— Очень красивая девушка, — произнес Донат, когда Люция вышла. — Она врач?

— Да, это наш терапевт, — ответил Добранецкий.

Через несколько минут появился доктор Кольский с медбратом.

— Пора, маэстро, в операционную.

Операция началась вовремя. Она не была трудной. Но чтобы обезопасить горло пациента, применили не местную анестезию, а общий наркоз.

Ассистировали хирургу доктор Янушевский и доктор Кольский. Яркий свет прожектора, отражаясь в зеркальном диске, освещал горло оперируемого. С правой стороны, за железой, на слизистой оболочке виднелась темная опухоль размером с половинку лесного ореха. В действительности она не мешала Донату петь и даже, как опухоль доброкачественная, не угрожала его здоровью, но в последнее время она увеличилась в размере, и безопаснее было ее удалить. Также надо было разобратся и с двумя небольшими спайками, оставшимися по-

сле прошлогоднего воспаления. Все вместе по расчетам профессора Вильчура должно было занять не больше двадцати пяти-тридцати минут.

В тишине операционной электрические часы четко отсчитывали секунды. Операция продолжалась одиннадцать минут, когда доктор Кольский, следивший за пульсом пациента, резко повернулся к стоявшей за его спиной медсестре и сделал ей знак.

Слова были не нужны.

Быстрые пальцы медсестры уже наполняли шприц, и спустя миг игла вошла под кожу пациента. Прошло еще две минуты, и процедуру пришлось повторить.

На семнадцатой минуте профессор Вильчур вынужден был прервать операцию.

Зал наполнился топотом быстрых ног. Тележка с кислородным аппаратом. Искусственное дыхание. Еще уколы.

На двадцать пятой минуте пациент умер.

Причина смерти не требовала никаких объяснений. Всем было ясно: сердце оперируемого не выдержало наркоза. Профессор Вильчур снял перчатки и маску. Его лицо застыло, словно каменное. Он ни в чем себя не упрекал, но смерть человека в его клинике, во время операции, да к тому же такой легкой, была для него потрясением.

В эти минуты он еще не думал о том, какой резонанс получит этот трагический случай, какие последствия повлечет за собой. Лично его ужасало то, что в клинике, которой он руководил, чей-то недосмотр, чья-то грубейшая ошибка или недобросовестность повлекли за собой смерть человека, который еще полчаса назад с улыбкой, доверчиво поверял ему свои мечты.

В глазах ассистировавших ему коллег Вильчур увидел отражение собственных мыслей. Не сказав ни слова, он вышел из операционной. В раздевалке, медленно снимая халат, профессор вдруг почувствовал огромную тяжесть на своих плечах и нечеловеческую усталость.

Зайдя в свой кабинет, он застал там почти весь врачебный персонал клиники: доктора Ранцевича, доцента Бернацкого, у которого начался нервный тик, Добранецкого, молча курившего сигарету, Кольского, бледного, с угрюмым лицом, Жука, Люцию Канскую и еще нескольких человек. Повисло молчание. Профессор Вильчур подошел к окну и, помолчав, не глядя ни на кого, спросил:

— Кто из терапевтов был сегодня на дежурстве?

После короткой паузы послышался дрожащий тихий голос доктора Канской:

— Я, господин профессор.

— Вы? — с легким удивлением спросил Вильчур. — Вы обследовали пациента перед операцией?

Он повернулся к Канской и посмотрел на нее с осуждением. Собственно, к ней он благоволил более остальных, ей доверял больше всех, ей, как молодому врачу, пророчил блестящее будущее... И именно она допустила эту роковую оплошность.

— Вы забыли его осмотреть?

Доктор Люция отрицательно покачала головой.

— Я не забыла, господин профессор. Но когда я пришла к пациенту в палату, то застала там господина профессора Добранецкого. Господин профессор велел мне осмотреть его пациента... Я решила, что Доната осмотрел он сам... Так я поняла, такое у меня создалось впечатление.

Глаза собравшихся устремились на Добранецкого, который при этом слегка покраснел и пожал плечами.

— Вы обследовали его, коллега? — спросил Вильчур.

В глазах Добранецкого сверкнул гнев.

— Я? С какой стати? Ведь это обязанность дежурного терапевта.

Его высоко поднятый подбородок и насупленные брови выражали возмущение.

— Мне показалось... — проговорила доктор Люция, глотая слезы, — у меня создалось такое впечатление...

— И что из этого? — иронично спросил Добранецкий. — Всегда ли вы, панна, исполняете свои обязанности, обязанности, от которых зависит жизнь пациента, или лишь тогда, когда вам ничего не кажется, когда вы не получаете каких-либо впечатлений?

Доктор Люция кусала губы, чтобы не расплакаться. В тишине прозвучал возмущенный голос доктора Кольского:

— Я встретил коллегу в коридоре, и она сообщила мне, что господин профессор все уладил... что господин профессор лично знаком с Донатом...

Добранецкий насупил брови.

— Собственно, я зашел к нему, как к давнему знакомому, чтобы обменяться парой слов. Конечно же, я обследовал бы его, если бы знал, что панна Канская способна так легкомысленно пренебречь своими обязанностями.

По лицу Люции текли слезы. Ее губы дрожали, когда она произнесла:

— Я не пренебрегала своими обязанностями... Я не сомневалась, что... Не могу поклясться, но я почти уверена: пан профессор дал мне понять, что сделает это сам, потому что я... никогда...

Ее последние слова заглушило рыдание.

— Если здесь и есть чья-то вина, — не выдержал Кольский, — то, во всяком случае, не панны Люции!

Лицо пана Добранецкого покрылось пятнами. Он вскочил со своего места и закричал:

— Ах так? Вот какие методы! Вижу, что против меня затевается интрига! Вы хотите свалить вину на меня! Может, это я должен отвечать за отсутствие дисциплины в клинике, за необязательность некоторых привилегированных личностей из числа персонала? Это было бы возмутительно, если бы не было столь абсурдным. О нет, дорогие мои господа! Меня не запугать интригами и клеветой. Я не боюсь ответственности, если она лежит на мне. Но сейчас вы вынуждаете меня быть

откровенным и я не намерен скрывать то, о чем думаю. Да, я скажу обо всем открыто. Много лет я руководил этим заведением, и подобные случаи были абсолютно исключены. У меня была железная дисциплина. Никто из моих подчиненных не тешил себя иллюзиями. У меня каждый нес ответственность за порученные ему, четко определенные обязанности. Может, именно поэтому меня считали руководителем суровым, требовательным, жестким, но зато мы никогда не играли человеческой жизнью! Донат стал жертвой порядка, который сейчас господствует в клинике. Вот что убило его, и, видит бог, не мне за это отвечать!

Не только эти слова, но и осанка, и взгляд, и выражение лица Добранецкого дышали осуждением — осуждением, направленным на присутствующих.

В тишине послышался голос профессора Вильчура.

— Попрошу коллегу успокоиться и не выносить приговоров. Никто против вас здесь не интригует, никто не сомневается в ваших былых заслугах, никто вас не обвиняет. За все, что происходит в клинике, отвечаю я, я и понесу ответственность за случившееся.

— Конечно. Я тоже так думаю, — с ироничной полуулыбкой сказал Добранецкий, тряхнул головой и вышел из кабинета.

Сообщение о смерти Доната повлекло за собой общее подавленное настроение в клинике. Весть о случившемся быстро разнеслась по городу, и спустя час холл клиники был полон журналистов и фоторепортеров.

Смерть Леона Доната, тенора, чья слава достигла зенита, должна была потрясти весь мир. А поскольку эта смерть случилась при исключительных обстоятельствах, событие было сенсационным. Старательно скрипели репортерские карандаши; собирались крупницы информации от врачей, медсестер и даже обслуживающего персонала больницы. Только профессор Вильчур не соглашался принять ни одного репортера, отвечая, что ничего не может сообщить по этому поводу.

Зато его заместитель профессор Добранецкий охотно давал интервью.

Он подчеркивал свое уважение к профессору Вильчуру, признание таланта этого известного хирурга, добавляя при этом, что неудачная операция ни в коем случае не закончилась бы смертельным исходом, если бы не серьезные упущения в организации работы клиники. Между прочим он отмечал, что в прошлом подобных случаев не было никогда, ни в те времена, когда клиникой руководил молодой и не очень опытный профессор Вильчур, ни тогда, когда он сам, профессор Добранецкий, стал ее директором.

— Я хотел бы, чтобы вы правильно меня поняли, — добавлял он. — Руководство таким учреждением требует огромных усилий, неисчерпаемой энергии, не растроченной из-за каких бы то ни было трагических случайностей. Каждый из нас, врачей, осознает (или, по крайней мере, должен осознавать) огромную ответственность, которую мы несем за жизнь доверенных нам больных. Исполнить свою миссию можно только тогда, когда ты уверен в своих духовных и умственных силах, а они по прошествии лет исчерпываются, даже если жизнь твоя протекает спокойно. Поэтому я со всей решительностью выступаю в защиту профессора Вильчура и думаю, что имею право требовать для него снисхождения. Наши соотечественники хорошо знают о том, какие невероятно тяжелые испытания на долгие годы вырвали профессора Вильчура из нормальной жизни. Прошу поверить мне, многолетняя амнезия и жалкое прозябание в нищете не может пройти бесследно для человеческой психики, разума и воли. И достойно уважения то, что профессор Вильчур нашел в себе достаточно сил и твердости духа, чтобы после стольких лет суметь перейти от практики знахаря, от самых примитивных способов лечения к руководству крупной клиникой, где и самого молодого, самого энергичного человека могла бы ужаснуть невероятная сложность организационных проблем, требующих неустанной бдительности, постоянного

контроля. Прошу вас подчеркнуть мое уважение к профессору Вильчуру, который остается на своей должности, достигнув такого возраста, когда любой другой врач ищет покоя.

Прощаясь с журналистами, профессор Добранецкий условился о том, что они передадут его слова с максимальной точностью.

— Я не могу и не имею права влиять на комментарии, которыми вы сопроводите и это интервью, и этот случай. Но мне не хотелось бы, чтобы на основании высказанного мной мнения кто-нибудь из читателей сделал вывод о моей причастности к этому делу.

В пять часов дня на улицах Варшавы появились экстренные выпуски газет, сообщавшие о смерти знаменитого тенора. Корреспонденты зарубежных изданий отправили в свои редакции длинные телеграммы, международные линии на Берлин, Вену, Париж на долгое время оказались перегруженными.

В городе ни о чем другом не говорили. В экстренных выпусках газет сообщались только сухие факты, но заголовки пестрели осуждением: «Великий певец Леон Донат умер под ножом профессора Вильчура», «Перед операцией не исследовали сердце певца», «Жертва преступной халатности в клинике профессора Вильчура».

Варшава бурлила. Перед зданием клиники собралось несколько тысяч поклонников умершего певца. Из толпы доносились угрозы в адрес профессора Вильчура и врачей вообще. Чуть не избили вышедшего из клиники доктора Жука. Полиции с трудом удалось заставить толпу расступиться, для того чтобы могла проехать скорая помощь, везущая больного.

В клинике же воцарилось похоронное настроение. Пожалуй, только профессор Вильчур не прервал своей обычной работы. Казалось, он не замечал ни унылых лиц своих подчиненных, ни их нервозности, ни всеобщего волнения, не слышал галдящей под окнами толпы.

Он как раз закончил вечерний обход и спускался вниз, когда привезли очередного больного. Ассистент профессора доктор Кольский хотел было принять прибывшего, но Вильчур сам подошел к неотложке, чтобы осмотреть пациента. Два санитара направлялись в приемный покой с носилками, с которых доносились тихие стоны. На пол капала густая черная кровь.

— Что с ним? — спросил Вильчур.

Врач неотложки доложил: поножовщина, состояние безнадежное, несколько глубоких ранений грудной клетки и живота. Спасение возможно только при немедленной операции. Поэтому его и привезли сюда, в ближайшую клинику.

— Немедленно на стол, — скомандовал Вильчур Кольскому.

На мгновение Кольский опешил.

— Оперировать будет доктор Ранцевич?

— Нет, я займусь этим сам, — ответил Вильчур.

Кольский побежал распорядиться, затем проследил, чтобы с раненого сняли лохмотья. Это был какой-то бродяга. На его небритом лице зияли кровоточащие раны. Он умирал. Прерывистое дыхание с острым запахом алкоголя слабело.

Операционная была уже готова. Вошла доктор Люция с побледневшим лицом и покрасневшими от слез глазами.

— Вам лучше пойти домой, — тихо сказал ей Кольский. — Я прослежу за всем. Здесь не на что рассчитывать. Не знаю, донесут ли его живым до операционной.

Вошел профессор Вильчур. Он наклонился над раненым и тут же выпрямился, протирая рукой глаза.

— Кто он? Я знал этого человека. Мне кажется, я его где-то видел.

— Скорая сообщила только имя и фамилию, — ответил Кольский. — Его зовут Циприан Емел.

— Емел? — повторил профессор. — Откуда же я его знаю?

На пороге появился санитар и сообщил, что все готово. Когда сняли бинты, оказалось, что раны не такие глубокие,

как считал врач скорой. Лишь одна внушала серьезное опасение: лезвие ножа разрезало мышцы живота и раскроило желудок. Легкие целы, но произошла значительная потеря крови, из-за чего жизнь пациента находилась под угрозой.

— Второй труп за день в этом зале, — прошептала одна из медсестер доктору Кольскому. — Зачем профессор решил оперировать сам?

Кольский не ответил. Тем временем профессор Вильчур своими большими руками с удивительной ловкостью зашивал одну рану за другой. В то же время он не переставал размышлять, пытаясь вспомнить, кого напоминает ему этот человек. «Емел, — мысленно повторял профессор. — Циприан Емел... Несомненно, я знал его».

Операция была закончена. Пациента забрали с операционного стола. Искорка жизни, которая тлела в нем, легко могла угаснуть, но могла и разгореться вновь. Его поместили на четвертом этаже, в отделении неплатежеспособных клиентов, а профессор Вильчур прямо из операционной проследовал в канцелярию, где его ожидали комиссар полиции и судебный следователь.

Власти под давлением общественности вынуждены были основательно исследовать причину смерти Доната. Вильчуру сообщили, что уже собраны свидетельства причастных к этому случаю людей, а судебный следователь намекнул, что главное обвинение выдвигается против доктора Люции Канской, которая во время допроса не отрицала своей вины. Подтверждало ее слова и свидетельство профессора Добранецкого, который также видел причину и в организационных беспорядках, царивших в клинике.

Профессор Вильчур приложил максимум усилий и аргументов, чтобы убедить их в том, что доктор Канская ни в чем не виновата, как не может быть виноват и профессор Добранецкий. Виной всему стало недоразумение, и только недоразумение. О чем-то злом умысле не может быть и речи, но по-

добным недоразумениям не должно быть места в клинике, и Добранецкий прав, усматривая причину смерти Доната в плохой организации работы.

— А за организацию работы здесь отвечаю я, — закончил профессор Вильчур. — Поэтому я единственный, кто виноват в случившемся.

— Конечно, господин профессор, — сказал судебный следователь, пряча бумаги в папку, — не может быть и речи об уголовном преследовании. Но вы должны быть готовы к тому, что близкие умершего Леона Доната или страховая компания, клиентом которой был усопший, могут предъявить вам серьезные финансовые претензии. Я посоветовал бы вам своевременно обсудить это со своим адвокатом.

— Благодарю вас, господин следователь, — сказал Вильчур.

Было уже десять вечера, когда профессор Вильчур покинул клинику. Внизу он увидел ждавшую его Люцию. Ее вид растрогал профессора. Он вдруг подумал, что эта бедная, отчаявшаяся, убитая горем девушка может наложить на себя руки.

Он улыбнулся ей и взял ее под руку.

— Ну, милая панна, больше мужества, больше мужества! Нельзя так убиваться. Ни один человек и особенно ни один врач не может быть уверен в безошибочности своих действий. Так случилось. Надо над этим погоревать, но затем следует удвоить свое внимание и ни в коем случае не поддаваться депрессии.

Люция покачала головой.

— Нет, господин профессор, это не депрессия. Это отчаяние из-за того, что вы убеждены в моей недобросовестности. Обстоятельства свидетельствуют против меня. Я очень хочу, чтобы вы выслушали мои объяснения...

Вильчур крепче прижал к себе ее руку.

— Но, дорогая панна Люция...

— Нет-нет, господин профессор, — прервала она его. — Если судить объективно, я заслуживаю порицания и знаю, что в дальнейшем вы не можете со мной сотрудничать. Я готова

ко всему. Речь идет лишь о том, чтобы вы мне поверили, чтобы вы не сомневались... Моя вина не в халатности и даже не в легкомыслии... Может быть, только в чрезмерном доверии... профессору Добранецкому. Я отвечаю за все. Даже если у меня отберут право практиковать, будь что будет! Только бы вы верили мне...

— Я верю, верю вам, милая панна, — ответил Вильчур. — И можете не сомневаться: никто у вас ничего не отберет, вы по-прежнему останетесь в клинике. Моя вера в вас не изменилась.

Некоторое время они шли молча, потом Вильчур вдруг заговорил непривычным для него суровым тоном:

— Вы молоды, очень молоды, и только в этом ваша вина. Я постараюсь забыть о том, что вы усомнились в добрых намерениях пана Добранецкого, в добрых намерениях какого-либо врача. Врач может ошибиться, но нет такого врача, — вы слышите меня, панна? — нет такого врача, который мог бы допустить смерть пациента. Это вы, как врач, должны запомнить... Вы обязаны в это верить! В тот миг, когда вы перестанете в это верить, вам следует перестать быть врачом.

Люция попыталась объяснить:

— Я только хотела отметить, господин профессор, что профессор Добранецкий...

— Не будем об этом больше говорить, — решительно прервал ее Вильчур. — Боже храни вас кому-нибудь поверять свои... Оставим это. Лучше посмотрите, какая чудная нынче ночь. Сколько звезд!

Улыбнувшись, он наклонился к ней:

— Люблю осень. Очень люблю осень. А вы?

ГЛАВА 3

Сообщения в утренней прессе заставили пани Нину Добраниецкую покраснеть. Она просмотрела все газеты, и не было ни одной, в которой бы не напечатали интервью с ее мужем. Также газеты публиковали острые, убийственные комментарии о преступной халатности в клинике, которая издавна славилась образцовым порядком, высоким профессионализмом и безупречной репутацией. Некоторые репортеры требовали отставки профессора Вильчура, другие выражали опасения, что если в клинике так халатно отнеслись к пациенту богатому и известному всему миру, то чего ожидать людям простым. Все газеты также упоминали о том, что многолетняя амнезия профессора Вильчура не могла не повлиять на его душевное состояние, доказательством чему является его склонность к использованию знахарских снадобий, даже таких, которые официальная наука признала либо бесполезными, либо вредными.

Интервью мужа показалось Нине слабым. Он упустил прекрасную возможность полностью уничтожить противника

и убраться со сцены. Лишними были его претенциозные комплименты в адрес Вильчура. Надо было подчеркнуть его возраст и прибавить что-нибудь о признаках возврата амнезии. Переворотив газеты, Нина нажала кнопку звонка.

— Пан профессор уже проснулся? — спросила она у горничной.

— Пан профессор час назад вышел из дома.

— Час назад? — удивилась Нина.

Вчера они с мужем не виделись. О смерти Доната она узнала из экстренных выпусков газет. Несколько раз Нина пыталась дозвониться мужу, но в клинике ей все время отвечали, что он не может подойти к телефону. Он вернулся домой поздно ночью, когда она уже спала. А сегодня ушел из дому до восьми, чего с ним никогда не случалось.

— Приготовь мне ванну, — велела она горничной.

Пани Нина решила не тратить времени напрасно. Прежде всего следовало узнать, какой резонанс среди знакомых вызвали сообщения в утренних газетах, и постараться настроить против Вильчура влиятельных людей. В создавшейся атмосфере это было нетрудно. Каждый собеседник Нины считал, что пани Добранецкая, как жена заместителя и ближайшего сотрудника Вильчура, обладает более полной информацией, нежели репортеры.

И Нина полностью оправдала их ожидания.

У нее были обширные связи и умение убеждать. В результате сплетни и комментарии по поводу трагического случая все нарастали, приобретая формы фантастических гипотез, домыслов и подозрений. Варшава наполнилась слухами, они не исчезали с поля зрения прессы. Это не было кампанией собственно против профессора Вильчура, но пани Нина метила в почетное место, которое он занимал в медицине, в его славу хирурга.

Пани Нина не принадлежала к числу людей, которые разборчивы в средствах борьбы; не была она и человеком, который остерегается некоторых поступков, если эти поступки

способны приблизить к заветной цели. Через несколько дней именно по этому поводу у нее произошла размолвка с мужем.

Консультируя больного, профессор Добранецкий услышал от доктора Гриневича настолько нелепое обвинение в адрес Вильчура, что, рискуя нарушить приличия, возразил ему. Обвинение заключалось в том, что иногда вместо традиционного лечения Вильчур прибегает к знахарским заговорам. Добранецкий даже предположил, что Гриневич провоцирует его.

— Это нонсенс, уважаемый коллега, — поморщился профессор. — Как вы можете верить подобным нелепостям?

— Моя сестра услышала это от вашей жены, — ответил ему Гриневич.

Добранецкий пробормотал что-то о недоразумении, которое, должно быть, произошло, но, возвратившись домой, устроил жене взбучку.

— Ты и вправду не знаешь чувства меры и не умеешь мыслить здраво. Всем этим ты только компрометируешь меня. Разве можно распространять глупости, которым не поверит ни один умный человек?

Пани Нина пожала плечами.

— Но ведь поверили.

— Или притворились, что верят.

— Милый мой, не сомневайся: если о ком-нибудь говоришь гадости, этому поверят всегда.

— И все же прошу тебя, Нина, умерь свою прыть. Вильчур хорошо понимает, кому выгодно подорвать его авторитет. В последнее время он держится со мной более сдержанно и даже холодно. Если вывести его из равновесия, он может мне навредить.

— Каким образом?

— Очень просто: может подать жалобу на то, что я организовал кампанию против него.

Нина встретила эти слова иронической улыбкой.

— Кому он может пожаловаться?

— Да кому угодно. Совету академии, союзу врачей, даже прессе. Не забывай, что профессор Вильчур все еще пользуется большим авторитетом. Смертельный исход одной-единственной операции... не может его поколебать.

Профессор Добранецкий был прав: смерть Доната не перечеркнула авторитет профессора Вильчура, но основательно пошатнула его. Отчетливее всего это проявилось на ежегодном выборном собрании союза врачей.

Позиции Вильчура все еще были настолько нерушимыми, что Добранецкий счел само собой разумеющимся снять свою кандидатуру на пост председателя в его пользу. Еще две недели назад Вильчура избрали бы единогласно, но теперь он победил только с незначительным перевесом голосов. Многие от голосования воздержались.

На собрание Вильчур не пришел. Обремененный заботами, он просто забыл о нем, но, получив известие о результатах выборов, написал в союз о том, что пост председателя принять не может. Профессор объяснил свой отказ усталостью и тем, что общественный пост нужно доверить кому-то из молодых. В действительности воздержаться от руководства его заставила мысль о том, что, приняв пост, он вынужден будет встречаться с людьми, которые голосовали против него, которые поверили глупым сплетням и клевете, распространяемым в городе и эхом отражающимся в газетах, даже в специализированных изданиях.

Были у Вильчура и другие заботы. Недавно к нему обратился представитель компании, в которой Донат был застрахован на колоссальную сумму. Страховая компания полагала, что ответственность за смерть певца лежит на профессоре Вильчуре и он должен возместить страховку. А это для Вильчура было равносильно катастрофе.

И все же он подтвердил, что готов возместить требуемую сумму. Мог ли он согласиться на судебный процесс, на экспертизы, на извлечение на свет Божий подозрений не только

против него, но и против Люции Канской или Кольского и, наверное, многих других? Тогда ему пришлось бы выступать в суде, и, конечно, кто-нибудь напомнил бы об этом, огласил бы подозрения, одна мысль о которых вызывала у Вильчура ужас и отвращение.

Нет, пойти на это он не мог.

Оттого-то в скором времени профессор Вильчур потерял все свое имущество. Клиника, вилла, дом на Пулявской — все это перешло в собственность страхового общества. Дирекция общества и так во многом пошла ему навстречу, оставив Вильчура руководителем клиники и назначив ему довольно высокий оклад вместе с правом пожизненного пользования villой. Благодаря этим обстоятельствам дело было улажено без огласки, чего больше всего хотелось Вильчуру. На первый взгляд ничего не изменилось. О том, что Вильчур перестал быть в клинике всемогущим хозяином и теперь зависел от президента страхового общества, не знал никто.

Да и сам Вильчур, собственно, не чувствовал изменений. Он никогда не придавал особого значения деньгам. Давным-давно, еще когда была жива его жена Беата, он работал большую часть суток и верил в то, что, приобретая шикарные авто, дорогие меха и бижутерию, делает ее счастливой. И вот однажды она оставила все это, оставила и ушла, забрав с собой маленькую Марысю. Вместе с ними исчезли его иллюзии. Прежние усилия, тяжелая борьба за быт показались ему нелепым недоразумением, бессмысленным трудом, трагической ошибкой.

А потом пришли годы... совсем другие годы... Кто знает, не следует ли благословить их — годы, прошедшие в скитании, годы, проведенные среди добрых людей, когда, с топором в руках или с тяжелым грузом на плечах, он трудился ради куска хлеба. Потеря памяти... Да, на протяжении многих лет Вильчур не знал, кто он, откуда, как его зовут. Но не была ли амнезия благословением для него? Не следует ли ему

благодарить Господа за то, что Он отобрал у него память о прошлом, память о смертельно раненом сердце, сердце, нестерпимо любившем женщину, любившем ее больше всего на свете...

Пепел времени припорошил прошлое, пепел времени припорошил его волосы...

Из прошлого осталась только Марыся... Осталась ли?

За три года, миновавших с тех пор, как она вышла замуж, Вильчур видел ее лишь раз. Он не обижался за это ни на нее, ни на Лешека. Что ж, каждый живет своей жизнью. Молодые птицы покидают гнезда, выют свои и уже никогда не возвращаются в старые. Молодожены поселились в Америке, и, хотя пишут ему часто, в их письмах все больше чувствуется отдаленность в тысячи километров, отчуждение во многом, иной образ жизни — словом, все, что отдаляет их от него.

«Не нужен я им, — думал Вильчур, — а при таких деньгах они даже не заметят, что я не оставлю им никакого наследства».

Наследство... Вильчура впервые посетила мысль о том, что он уже стар. До сих пор неустанный труд и неиссякаемая энергия позволяли ему не думать о том, что его жизнь приближается к той поре, когда большинство людей размышляют только о смерти. Когда профессор прочитал интервью с Добранецким, оно показалось ему таким же смешным и никчемным, как и остальные его коварные заявления. Проходили, однако, дни и недели, и Вильчур все больше думал о старости.

Он, как и раньше, в семь утра был уже на ногах, в восемь — в клинике, но уже после обеда чаще всего уходил домой, в большинстве случаев в одиночестве.

Профессор Вильчур чувствовал себя усталым. Постоянные нападки, на которые он не отвечал, отражались на его нервной системе, а она, в свою очередь, оказывала влияние на его здоровье и самочувствие.

И вот Вильчур запил. Не как алкоголик. Просто старый, опытный Юзеф, слуга Вильчура, как-то предложил ему выпить рюмку коньяка.

— Вы немного замерзли, господин профессор. А это хорошо помогает.

С того дня всегда, когда Вильчур после обеда устраивался в своем кабинете у камина, на столике рядом с черным кофе стояла бутылка коньяка.

Несколько рюмок чудесно согревали профессора, отвлекали его от тягостных мыслей, создавали иллюзию безмятежной радости. Успокаивались нервы — нервы, которые в последнее время были измотаны до предела.

Постоянные нападки на Вильчура влияли даже на его ближайшее окружение. Он заметил, что в клинике часть персонала относится к нему критически и откровенно симпатизирует Добранецкому — то ли по убеждению, то ли считая, что вскоре он вернется на руководящий пост.

Отношение Вильчура к Добранецкому внешне не изменилось. Вынужденные встречаться ежедневно в клинике, они, как и раньше, советовались друг с другом, участвовали в консилиумах и совещаниях. Но оба старались свести эти контакты к минимуму. Они избегали разногласий. Когда профессор Добранецкий распорядился, чтобы секретарь не распределял ему больных с четвертого (бесплатного) этажа, Вильчур не отменил этого приказа и сам занялся этими пациентами.

Именно на этом этаже случилось с ним неожиданное происшествие. Во время одного из обходов профессор наконец узнал человека, которого привезли в клинику под именем Циприана Емела, вернее, это Емел узнал Вильчура.

Было так: профессору сообщили, что к больному вернулось сознание. Когда Вильчур вошел в палату и наклонился над Емелом, тот открыл глаза и, несколько минут пристально глядя в лицо профессора, вдруг улыбнулся.

— *How do you do, darling?*¹ — сказал он.

— Откуда я могу вас знать? — спросил его Вильчур.

Больной улынулся, показав гнилые зубы.

— Нас познакомил церемониймейстер на приеме у княжны Монтекукули.

Профессор засмеялся.

— Естественно, я узнал ваш голос и манеру говорить.

— Это нетрудно, *mon cher*². Только однажды мой голос изменился: это было во время полового созревания. Что же касается манеры разговаривать, то я стараюсь не терять изысканности.

Профессор Вильчур сел, придвинув стул.

— Однако это было давно, очень давно, — задумчиво произнес он.

Емел закрыл глаза.

— Если бы я еще мог чему-нибудь удивляться, то удивился бы, что мы встретились на этом свете, а не на том. Какое удивительное стечение обстоятельств! Вас, мой благодетель, если мне не изменяет память, много лет назад лишили возможности продолжать брэнное существование и отправили *ad patres*³. Меня же несколько сердечных дружков экспедировали в том же направлении недавно. И вот мы встречаемся в теплой больнице. Вы врач?

— Да, — ответил Вильчур. — Я оперировал вас. Вас безжалостно порезали.

— Очень сожалею, что причинил вам хлопоты, *signore*⁴. *Mille grazzia*⁵. Но раз вы лекарь, тогда скажите, не отрезали ли мне какую-нибудь конечность?

¹ Как ты поживаешь, дорогой? (англ.) (Здесь и далее примеч. авт., если не указано иное.)

² Мой дорогой (фр.).

³ К предкам (лат.).

⁴ Господин (ит.).

⁵ Бесконечно благодарен (ит.).

— Нет. Вы будете вполне здоровы.

— Это приятное известие. Приятное для Дрожджика, который, наверное, тоскует и льет из своих прекрасных глаз горючие слезы. Вы помните Дрожджика, *dottore*?¹

— Дрожджика? — Профессор нахмурил брови, напрягая память.

— Да, *my dear*², я говорю об известном хозяине *establishment*³, *rue*⁴ Витебская, *guinze*⁵... Ресторация третьеразрядная по мнению фискалов, но первостатейная по мнению друзей, обычная и даже вполне пристойная. Это ни о чем вам не говорит? *Rendez-vous*⁶ в элегантной Варшаве. *High life*⁷... Именно там мы имели честь и удовольствие...

Профессор Вильчур потер лоб.

— Кажется... это вы... вы пристали ко мне тогда на улице?

— *Sí, amigo*⁸. Точно так. Именно так. Мы вошли к Дрожджику, чтобы с помощью сорокапятипроцентного раствора спирта решить некоторые абстрактные проблемы, что нам и удалось. Насколько мне помнится, у вас были какие-то неприятности и необычайно толстый бумажник в кармане. С того дня я следую вашему примеру, повсюду превознося добродетель убожества. Я всегда считал, что богатство не приносит счастья. Если бы у вас тогда не было столько денег, вас не угостили бы по голове ломом и не бросили бы в глиняный карьер.

Емел посмотрел Вильчуру в глаза и добавил:

¹ Доктор (*ит.*).

² Мой дорогой (*англ.*).

³ Учреждения (*англ.*).

⁴ Улица (*фр.*).

⁵ Пятнадцать (*фр.*).

⁶ Встреча (*фр.*).

⁷ Высшее общество (*англ.*).

⁸ Да, приятель (*исп.*).

— *Nein! Nein Herr¹, vous vous trompez²*. Я не принимал в этом участия. Мне стало известно обо всем на другой день. Везет нахалам. Это миф. Еще один миф для размышлений о ничтожности дел людских.

Вильчур потянулся рукой к темени, на котором у него был шрам.

— Вы знаете, как это случилось?

— Да, знаю. Мне и не снилось, что я увижу вас еще когда-нибудь.

С этого дня профессор очень часто навещал Емела, который между тем быстро поправлялся. Профессор поручил больно-го Люции, которая окружила его заботой. Вильчур не мог не заметить, что эта девушка все свои силы отдает работе, словно хочет исправить ошибку, которую допустила. Он также заметил, что Люция питает к нему сердечную симпатию, что в ее взгляде много тепла, сочувствия, дружелюбия и просьба о чем-то.

Иногда они вместе выходили из клиники, и тогда она провожала профессора домой. Он говорил о делах профессиональных, но случалось так, что разговор касался личных тем. Вильчур узнал, что Люция сирота. Она родилась в Сандомире, но с детства воспитывалась в Варшаве. Ее воспитание и образование оплачивала тетя, которая тоже умерла несколько лет назад. Люция призналась, что однажды была обречена, но очень скоро убедилась, что молодой инженер, изображавший любовь к ней, был человеком недостойным, и она порвала с ним отношения.

— Я заметил, — произнес Вильчур, — что коллега Кольский очень вами интересуется.

Люция слегка пожала плечами.

¹ Нет? Нет, господин (*нем.*).

² Ошибаетесь (*фр.*).

— Кольский, господин профессор, мой коллега. Он очень порядочный человек, я ценю его личные качества. Но это не те качества, которые могли бы разбудить во мне более глубокие чувства.

Несколько минут они шли молча.

— Разве в женщине не пробуждают чувства такие личные качества как красота, молодость... обаяние?

Люция покачала головой.

— Нет, господин профессор. То, о чем вы говорите, может заинтересовать очень недалекую женщину. Я считаю, что мы... что я искала бы в мужчине в первую очередь богатство души, вроде большой библиотеки пережитого, передуманного, трагедий и взглядов; вроде музея, живого музея... Как бы вам это объяснить? Может, это грубое сравнение. Скажу так: я бы хотела, чтобы его душа была многогранной, чтобы она хранила в себе столько свойств и привлекательности, что их нельзя было бы познать за всю свою жизнь. И не думаю, что я являюсь исключением. Мне кажется, что это присуще каждой женщине — желание, стремление познать многочисленные сокровища, которые наше воображение не может объять, но которые можно ценить и чтить... Только так можно любить.

Белый снег лег на улицы Варшавы и тихо скрипел под ногами. Свет фонарей растворялся в синеватых полосах теней. Деревья стояли тихие, неподвижные, торжественные.

— Это неправда, — сказал после длительной паузы Вильчур. — Когда-нибудь я докажу вам, что это неправда.

— Никогда с этим не соглашусь, — уверенно ответила Люция, но он, казалось, не услышал ее и продолжал говорить:

— Молодость диктует вам эти слова, молодость подбрасывает такие мысли. Отсутствие опыта. Любовь... любовь послушна телу... послушна натуре. А душа? Душа — это дух, абстрактное понятие, и этого не изменить.

В его голосе появилась горечь, и Люция произнесла:

— Меня это не убедило, и я считаю, что вы, господин профессор, настроены пессимистически.

— Потому что я убедился в том, о чем говорю, — грустно улыбнулся Вильчур. — Может, когда-нибудь я расскажу вам об этом. Чтобы предостеречь. А сейчас... Вот и мой дом. Я благодарен вам за приятную прогулку и за разговор. Вы очень добры, панна Люция.

Расставаясь, он поцеловал ей руку.

Снимая в прихожей шубу, профессор посмотрел в зеркало и только теперь заметил, что небрит.

— Юзеф, — позвал он слугу, — каждое утро напоминай мне о том, чтобы я побрился.

— Я каждый день готовлю ваши бритвенные принадлежности, — обиженным голосом ответил Юзеф.

— Да, но я не всегда об этом вспоминаю, не всегда...

Произнесенные слова напомнили Вильчuru сегодняшнюю публикацию в газете — снова поднимавшую тему смерти Доната. Какой-то ретроград, спрятавшийся за буквами Г. Й., доказывал, что полное излечение от амнезии невозможно. По мнению этого анонима, память никогда не восстанавливается полностью и приступы болезни повторяются.

Что за абсурд! Люди, которые пользуются подобными уловками, пытаются заставить его подать в отставку. Если бы они знали, что клиника уже принадлежит страховой компании, то, наверное, искали бы другой объект для интриг.

Переодевшись в халат, профессор Вильчур сел у камина. Юзеф принес ему горячий душистый кофе и вечернюю газету. Может, он нарочно положил ее так, а может, это вышло случайно, но Вильчuru сразу бросился в глаза заголовок на первой странице: «Профессор Вильчур выплатил семье усопшего Леона Доната миллионы, чтобы возместить ущерб».

Прошло несколько минут, прежде чем Вильчур протянул руку за газетой.

«Мы узнали, — читал он, — что компания, застраховавшая в клинике профессора Вильчура всемирно известного польского певца Леона Доната, угрожала неудачливому хирургу судебным процессом. Исходя из того, что этот процесс профессор Вильчур, конечно же, проиграл бы, поскольку смерть великого тенора наступила в результате преступной халатности и беспорядков, царящих в клинике профессора, он вынужден был уплатить страховку, достигавшую двух с половиной миллионов злотых. На уплату этой суммы в собственность страховой компании передана клиника профессора, его вилла, почти все, что ему принадлежало. Нельзя не посочувствовать знаменитому хирургу, которого постигла такая катастрофа, но, с другой стороны, пусть этот случай послужит предостережением для всех тех врачей, которые пренебрежительно относятся к вверенным им пациентам».

Вильчур отложил газету и прошептал себе под нос:

— Надо же!

Опять кто-то подлил масла в огонь. Сработала чья-то злоба, чья-то бестактность или подстрекательство. Опять поползут сплетни, начнется новая оргия напраслины...

— Есть не буду, я не голоден, — сказал Вильчур Юзефу, когда тот объявил, что ужин на столе.

— Может, хотя бы чашку бульона?

— Нет, спасибо. Лучше принеси мне еще кофе, Юзеф.. Да, и коньяка.

В эту ночь профессор Вильчур так и не лег в постель. Чрезмерная доза кофе и коньяка сделала свое дело: утром в зеркале он увидел чужое посеревшее, измученное и отекавшее лицо. Несмотря на усталость, Вильчур заставил себя тщательно побриться и без опоздания явился в клинику.

Нетрудно было заметить, что о вчерашнем сообщении уже знали все. Доктор Жук, докладывая расписание дня и состояние больных, ни о чем не осмелился спросить Вильчура, хотя было видно, что вопросы вертятся у него на кончике языка.

В расписании значилось несколько операций: одна трепанация черепа, три операции, связанные с переломами конечностей, и удаление аппендикса у четырнадцатилетней девочки, которую привезли ночью. Кроме трепанации, операции были легкими.

Закончив обход, профессор прошел в операционную. После памятного случая с Донатом он каждого пациента осматривал лично, выслушивал его сердце и проверял реакцию на наркоз. На это уходило немало времени, но Вильчур предпочитал полагаться только на самого себя.

Первая операция длилась около часа и прошла успешно. Постгриппозная опухоль в мозгу была удалена. Следующие операции тоже прошли легко. Последнюю, впрочем, Вильчур решил отложить на полчаса — ему надо было отдохнуть: сказывались бессонная ночь и напряжение. Вильчур сидел в ординаторской, когда туда вошел Добранецкий. Он поздоровался и сказал:

— От Ранцевича я узнал, что вы устали. Может, удаление аппендикса поручим кому-нибудь другому?

— Нет, спасибо, — слабо улыбнулся Вильчур.

— Сейчас, например, я свободен... Возможно...

— Нет, большое спасибо, — не смог сдержать раздражения Вильчур.

Он поднялся и нажал на кнопку звонка.

— Пациентка в зале, — послышался за дверью голос санитары.

Добранецкий вышел. Вильчур открыл дверцу шкафа, вынул оттуда банку с бромом, отсыпал большую порцию в стакан, налил воды и выпил.

Начав операцию, Вильчур уже полностью владел собой, чувствовал уверенность в каждом движении. Косой разрез был тщательно выверен. Несколько капель крови на белой жировой ткани и сине-фиолетовый клубок кишок. Раскаленный прут электрического аппарата с шипением исполнил свое

назначение, и вздутый аппендикс оказался в стакане с формалином. Операция близилась к концу. На сорок пятой минуте профессор Вильчур наложил швы.

— ..двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, — считал доктор Жук использованные инструменты.

Больную увозили из зала.

— Не хватает одного предмета, — спокойно сообщил Жук.

На мгновение все замерли. Профессор Вильчур, который уже снимал маску, скомандовал охрипшим голосом:

— Пациентку обратно на стол!

Надо было снова раскрывать брюшную полость, чтобы достать из клубка кишок маленький, блестящий никелем предмет. Жара в операционной и усталость давили на Вильчура, и он только напряжением воли удерживал свой мозг в сознании, а руки — в рабочем состоянии. Он чувствовал, что близок к обмороку. К счастью, он выдержал все до конца.

Когда пациентку увезли, она уже просыпалась после наркоза. Шатаясь, Вильчур вышел в холодный коридор. Содрал с лица маску и замер, опираясь на подоконник. К нему медленно возвращались сознание и силы. Он понял, что этот шум в ушах был следствием чрезмерно большой порции выпитого брома. Профессор медленно прошел в раздевалку. Разделился с помощью санитаря, попросил принести туда шубу и шляпу и, не заходя в свой кабинет, вышел на улицу.

Тем временем клиника гудела, как растревоженный улей. На самом деле случаи, когда в брюшной полости больных во время операций оставались инструменты, были не так уж редки, это бывало со многими хирургами, но профессор Вильчур слыл таким внимательным и аккуратным, что подобного с ним не случалось никогда.

Разумеется, врачи, ассистировавшие ему во время операции, заметили, что профессор с трудом держится на ногах, а доктор Жук, который был внимательнее всех, не исключал даже обморока и готов был лично заменить хирурга.

Сейчас элита клиники собралась в кабинете профессора Добранецкого. Он сказал:

— Мы все уважаем профессора Вильчура, признаем его заслуги, чувствуем к нему большую симпатию, однако мы не должны закрывать глаза на факты: он старый человек, ему нужен отдых, но он даже слушать об этом не хочет. Подобные случаи будут повторяться с ним все чаще. Я действительно не знаю, что предпринять.

Среди общих поддакиваний послышался дрожащий голос доктора Люции Канской.

— А предпринимать ничего и не надо. Нужно открыть окна и выветрить атмосферу, которую создают гнусные люди. Нужно противодействовать отвратительным сплетням, клевете и кляузам. Сомневаюсь, что кто-либо из нас смог бы сохранять спокойствие и душевное равновесие среди этой напраслины, среди подлых интриг, которыми окружили профессора Вильчура. Позор! Но ошибаются те, кто из личной корысти хочет сломать профессора Вильчура. Вы просчитаетесь. Такой человек, как он, не согнется перед подлостью никчемных интриганов. Честные люди будут на его стороне!

Профессор Добранецкий побледнел и нахмурил брови.

— Мы все на его стороне, — сказал он с вызовом.

— Да? И вы тоже, господин профессор? — Люция посмотрела ему прямо в глаза.

Добранецкий не сумел скрыть возмущение.

— Дорогая моя панна! Когда вы еще ходили в школьном платье, я издал биографию профессора Вильчура! Вы слишком молоды, чтобы не соблюдать определенной субординации. Не считаю, что должен что-либо объяснять вам по этому поводу.

Доктор Люция растерялась: действительно, между ней и Добранецким была такая дистанция, как между генералом и рядовым, и только возмущение позволило ей забыть об этом.